

ВО ЧТО Я ВЕРЮ

У НАС НЕТ СВОБОДЫ
ИЗМЕНИТЬ ЧТО-ЛИБО...
А ГОВОРИТЬ — СКОЛЬКО УГОДНО

Имя американского писателя Гора Видала известно советскому читателю по романам «Вашингтон, округ Колумбия» и «Бэрр». Писатель, выступающий преимущественно в жанре политического романа, затрагивает в своих книгах острые проблемы прошлого и настоящего Соединенных Штатов. Гор Видал отлично знает нравы правящих кругов, большой прессы и бизнеса и не упускает возможности саркастически осмеять разные стороны американской «демократии». Обращаясь к истории США, писатель высвечивает весьма неприглядные политические фигуры и исторические факты. Гор Видал, помимо литературного творчества, активно занимается общественной деятельностью, участвует в движении за замораживание ядерных вооружений. Он выдвигал свою кандидатуру в сенат от демократической партии, выступил с резкой критикой нынешней американской администрации. Позиция Гора Видала отражает растущее в США недовольство политикой правительства. Все больше писателей и деятелей культуры активно включаются в антивоенное движение, понимая, что мир нужен американскому народу так же, как и другим народам.

Недавно писатель побывал проездом в Москве. По просьбе «ЛГ» с Гором Видалом беседовал кандидат филологических наук Таннред Голенпольский.

Т. Г. В одном из ваших очерков вы цитировали Стендаля, который сказал, что...

Г. В. ...политика в произведении искусства подобна выстрелу в концерте. Я писал об этом в 60-х годах.

Т. Г. Но к этому вы тогда добавили, что в наше время, увы, выстрелы и стали концертом. Обстановка в нашем беспокойном мире сегодня, что и говорить, не самая приятная. И все же музы не должны уступать пистолетным концертам. Какова, на ваш взгляд, роль писателя в такой обстановке?

Г. В. Я предпочитаю говорить раздельно — о писателе-художнике и о писателе, как у вас принято говорить, гражданине...

Т. Г. А разве это не один и тот же человек?

Г. В. Видите ли, есть писатели — писатели. И есть разные страны, где к литературе относятся по-разному. В Советском Союзе к писателям относятся очень серьезно, а в США их, как правило, игнорируют.

Я занимаюсь и политикой, и литературой профессионально. И то, что пишу, отделяю от того, что говорю на митингах и в предвыборных кампаниях. Для меня создание произведения — процесс подсознательный, который я не могу подчинить моим благим намерениям и политическим целям. Если бы я заставил себя это сделать, я бы загнал свое воображение в преждевременную могилу.

Конечно, гражданственность мне не чужда, и свой долг я выполняю, участвуя в политических кампаниях, баллотировавшись на выборах. Четыре года подряд я вместе с доктором Споком был сопредседателем Народной партии. Кроме того, я постоянно выступаю по телевидению в специальных программах.

Вашим читателям, наверное, нелегко понять, что такое американское телевидение. В основном это нечто ужасное, а самое главное — телевидение отбило у страны вкус к книге, к чтению. Но у нас есть одна неплохая вещь, похожей на которую нет ни у вас, ни в Европе. Это так называемые «ток-шоу» — остродискуссионные передачи. Они устраиваются в местных станциях, и транслируются по национальным телесетям. Так вот, мне повезло родиться с даром полемиста. В результате, если верить июньскому национальному опросу, меня в стране знают 70 процентов населения. Но знают не за мои книги. Скажем, у вас Катаева или Евтушенко 70 процентов населения знают за их книги, как писателей. И то же касается всех ваших писателей с установившейся репутацией. Наши писатели, настоящие писатели, практически никому не известны.

Если, например, Нормана Мейлера знают как писателя 15 процентов американцев — это почти рекорд. Мои 70 процентов — это результат многолетних выступлений по ТВ.

Выступая, я говорю неловкие вещи о нашей политике, говорю то, что никто другой из приглашенных выступать в этих политических «шоу» говорить не станет. Выступая, я бросаю вызов истеблишменту, администрации, традиционным ценностям. Не упущу возможности сказать, что свобода все это говорить у нас есть. У нас нет свободы изменить что-либо... А говорить — сколько угодно.

Вот откуда меня знают американцы. Но это, как правило, не те американцы, которые читают художественную литературу. Таким образом, подобная популярность почти не влияет на продажу моих книг: ведь у нас писатель зависит не от количества изданных книг, не от их тиража, а от количества фактически проданных экземпляров. Более того, мои скандальные заявления по ТВ могут принести мне как писателю вред, поскольку очень дороги и их могут покупать у нас только состоятельные люди. А им-то не очень приходится по вкусу то, что я считаю нужным сказать. Вот, если хотите, сумма тех причин, по которым я отделяю искусство от политики и намеренно их не соединяю.

Т. Г. Ну, а ваша «Американская трилогия»? Разве она не о политике? Разве в «Бэрре» и «1876» обертонками не звучит современность?

Г. В. Это романы про политических деятелей. Отсюда и политика. Ну, а современность в них звучит потому, что автор живет в современности, и потому, что история, увы, повторяется. «Бэрра» я писал перед Уотергейтом. Трилогия же в целом охватывает почти двести лет — от нашей революции до начала деятельности администрации Кеннеди.

Я нахожусь, пожалуй, в исключительном положении. Моя семья была связана с политическими кругами в Вашингтоне. И поэтому никакого «таинства власти» для меня с детства не было. Беда многих наших писателей, пишущих о коридорах власти, в том, что они заглядывали в них, как мальчишки, прижавшись носом к парадной витрине. И когда кого-нибудь из них оттуда манили пальцем, они бросались сломя голову в объятия проблем, в которых могли бы сами разобраться, да головокружение от счастья быть приглашенными ко двору мешало им это сделать.

Когда я был молодым, мысль о том, что мне предстоит идти на прием в Белый дом, повергала меня в уныние. Я шел туда, что называется, приставив к своей голове пистолет. А большинство шло туда, чтобы потереться локтями с именитыми. Но это не помогает разобраться в политике.

Наши писатели, и не только писатели, увы, не знают политики, не знают тех механизмов, которые управляют страной. И истории они не знают. Так вот и получается, что я оказался писателем, рассказывающим нации правду о ее истории.

Тем не менее «Бэрр» и «1876» — в первую очередь романы, то есть вымысел. Правда, придумывать мне особенно ничего не нужно было — я писал об исторических фигурах. Если у меня Джефферсон или Вашингтон, что-то говорят, то это именно то, что они говорили, или нечто близкое к тому, что они могли сказать, — я передаю их образ мысли. Я очень щепетелен на этот счет.

Единственно, с кем я позволил себе больше свободы, это Аарон Бэрр, который мне лично очень симпатичен, и не только потому, что он доводится мне родственником. Бэрр оставил интересные мемуары, позволившие лучше представить его себе как человека.

Когда в 1960 году я выдвинул свою кандидатуру в конгресс, я сам впервые всерьез углубился в нашу историю и увидел, что в американских школах преподают совсем не то, что было на самом деле. «Бэрра» прочли в США многие — роман появился на волне Уотергейта. Когда нация прочла мою книгу, она была потрясена, узнав, что наши беды начались отнюдь не с Уотергейта. Но вот печально-забавный парадокс: наши правые уцепились за мою книгу, как утопающие за соломинку. «Вот видите, — кричали они, — Никсон ничуть не хуже наших отцов-основателей». Это, конечно, не так, но за что только они не хватаются, чтобы выжить политически!

«Бэрр» вдруг оказался в центре споров в стране, но, к сожалению, всего лишь на

пять минут — на те пять минут, когда американская нация, потрясенная Уотергейтом, задумалась.

Т. Г. В Советском Союзе хорошо знают «Бэрра» и «Вашингтон, округ Колумбия». Переводится и «1876». У нашего народа всегда был большой интерес к истории вообще и к истории американцев в частности, большой и дружелюбный интерес. Как бы вы охарактеризовали Америку 80-х? Какие настроения в стране, с вашей точки зрения, являются сегодня доминирующими?

Г. В. Если одним словом — озабоченность. Озабоченность состоянием нашей экономики, падающим уровнем жизни. Вы должны понять, что попытки администрации Рейгана запугать нас воплями «Русские идут!» мало кого трогают. Людей волнует страх потерять работу, дороговизна. Нация вдруг поняла, что теперь уже многим не по карману какие-то блага, что мы все вместе и каждый в отдельности уже не богаты. Поняла и испугалась. К этому прибавилось недовольство наступлением администрации на систему обеспечения безработных, безобразная система образования, особенно для бедных, тяжелое положение национальных меньшинств. Так что картина складывается малоприятная. Особенно для нации столь замкнутой в себе, как американцы. Нет, американцы не страдают ксенофобией. Они приветливы к иностранцам, хоть наши средства массовой информации обо всех говорят гадости, и особенно о вашей стране — вот уже 65 лет.

Т. Г. Ну, а с точки зрения культуры, что сегодня происходит в стране?

Г. В. То же самое. Книгоиздательское дело, и в особенности издание художественной литературы, стало плохим бизнесом. С 1950-х годов кино начало вытеснять роман. И если бы настоящее кино — а то киношка! — она-то стала определять уровень культуры. Культура сделалась в значительной степени аудиовизуальной. А теперь на наши головы свалились видеокассеты... Ну скажите, зачем покупать да еще читать какой-нибудь толстый «кирпич», когда кассета стоит дешевле и не надо утруждать себя чтением?

Люди одеваются, ведут себя и, что самое ужасное, разговаривают, как в кино. Я не пророк и не гадалка — не знаю, чем все это кончится, но хорошего не жду. Читатель исчезает. Книга, получившая хорошую прессу, разоидется тиражом максимум в 10 тысяч экземпляров. Автор серьезных бестселлеров, к каким я отношу себя, может рассчитывать в лучшем случае на реализацию 100 тысяч экземпляров в твердой обложке. Ну, а поп-культура имеет несравненно лучшие шансы — тысяч триста в твердой и миллиона три в мягкой, по принципу: чем легковесней, тем больше спрос.

С 50-х годов мы перестали быть обществом читателей, утратили вкус к книге, и боюсь, что это процесс необратимый. Обычный ребенок в США торчит перед телевизором по 6 часов в сутки, а потом еще идет в школу, где ему опять показывают все по телевизору. Ученые говорят, что длительное воздействие пульсирующего источника света отупляет людей. А это — дети!

Т. Г. Вы нарисовали прямо-таки апокалипсическую картину. Неужели нет или вы не видите «непульсирующего» света в конце тоннеля?

Г. В. Если говорить по большому счету — нет. Необходимо начать терпеливое и методичное перевоспитание детей, с тем чтобы вырвать их из тенет, по определению мистера Маклюэна, «посттутенберговской культуры». Она нам слишком дорого обошлась. Лексический запас английского языка составляет сотни тысяч слов. А словарь американцев сократился до 500 слов. Поглядите на нашу поп-литературу — в этих, с позволения сказать, романах от силы наберется 3000 слов. Иногда кажется, что большинство наших писателей и сценаристов только пишут и давно уже сами не читают.

Что делать? Перестраивать систему образования. Но на это нужны деньги, а наши деньги идут на войну. Треть федерального бюджета уходит на вооружение.

Т. Г. Мы опять вернулись к политике. Вы выдвигали свою кандидатуру на пост сенатора от Калифорнии. Какова была ваша программа?

Г. В. В основном она была сосредоточена вокруг необходимости сократить военный бюджет. Как вы догадаетесь, ни один из кандидатов от правящих партий (в скобках добавлю, что между ними нет разницы) не выдвигает столь категоричного требования. Я считаю, что мы должны сократить наш сумасшедший военный

бюджет хотя бы просто потому, что он нам не по карману. Нужно обратить значительную часть бюджета на благо нации, а не на уничтожение себя и других. Деньги нужны школам, больницам, городам, приходящим в упадок. Надо ли говорить, в какое негодование привела моя программа наших военных?

И я убежден, что нам не нужны все эти «МХ» и другие рафинированные средства уничтожения. Мы уже можем взорвать мир 85 раз, к чему больше? Но администрация и воротилы большого бизнеса подсовывают общественному мнению страны ложные цифры о военном бюджете СССР... За последние двадцать лет бизнес умудрился убрать все препоны, предусматривающие возможность контроля над затратами на вооружение.

Т. Г. Как вы относитесь к развернувшемуся в США движению за замораживание ядерного вооружения?

Г. В. Самым серьезным образом. Не знаю, известно ли вам, что я был одним из Иоаннов Крестителей этого движения, еще в конце 1968 года. Тогда движение только начиналось. Вернее, начиналось оно в Европе, а мы его подхватили. Суть нашего движения в том, что мы требуем замораживания ядерных вооружений. Вообще-то Рейган к этим требованиям не прислушивается. Более того, он и его люди пытаются убедить народ, что это движение — коммунистический заговор. Но на сей раз им это так просто не сойдет с рук. И тому есть достаточные доказательства.

Однако всякий раз, когда я говорю с аудиторией о необходимости объединиться и требовать запрета на это страшное оружие, я слышу одну и ту же фразу, которую мне трудно опровергнуть: «Хорошо вам говорить здесь! В одном Сити-холле нас собралось 10 тысяч, а в Советском Союзе не разрешают демонстрировать, и таким образом народ извывает свою волю не может». Что мне на это отвечать? Я с вами откровенен.

Т. Г. Я ценю вашу открытость и вместе с тем удивляюсь, насколько американцы приучены все мерить на свой аршин. Вы требуете симметрии там, где ее нет и не может быть. Вы демонстрируете против сил, которые занимаются гонкой вооружений, в том числе и против нынешней администрации. И мы это понимаем, наши симпатии с вами.

Но против чего выступать нам? А. И. Брежнев, наше правительство выдвигают одно за другим предложения прекратить гонку, заморозить ядерные вооружения, сесть за стол переговоров, обязуются не применять первыми это смертоносное оружие. И что же, вы хотите, чтобы мы против этого демонстрировали?

Наконец, посидите перед телевизором, посмотрите: наше телевидение транслирует митинги сторонников мира, проходящие по всей стране. Тысячи советских людей прошли вместе с представителями движения борцов за мир из скандинавских стран по дорогам страны. И категорически нельзя представлять дело так, будто если Пентагону выгодна гонка вооружений ради барышей, то и Министерство обороны СССР хочет того же. СССР вынужден производить дорогостоящее оружие, чтобы защищаться. Мы суверенная держава, мы слишком много жизней отдали ради мира и свободы нашего народа, чтобы отказываться и от того, и от другого.

Г. В. Положение в вашей стране со всей очевидностью отлично от того, что происходит у нас. И я отнюдь не принадлежу к тем оготелым, которые берутся поучать вас, как жить. Не буду ни хвалить, ни бранить вашу систему. Как вы хотите жить — дело ваше...

Т. Г. У меня сложилось впечатление, что вы не исключаете возможности выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах.

Г. В. Возможно, что я и выдвину свою кандидатуру от третьей партии, главным образом для того, чтобы в ходе предвыборной кампании прозвучали те мысли, которые мне дороги. Я буду говорить об оборонном бюджете, я высьмею эту глупую басню о русской угрозе, я скажу своим согражданам, что мы уже не настолько богаты, чтобы позволить себе играть роль международного жандарма, я буду говорить о необходимости улучшить систему образования, помочь бедным. Наконец, у нас с вами много общих проблем, которые в нормальном мире можно решать совместно.

Т. Г. Позвольте поблагодарить вас за беседу и пожелать новых интересных книг.